

Александр Щёголев

Ночь навсегда

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Ночь навсегда / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр
Геннадьевич»,

Повести Александра Щёголева – классические триллеры с элементами
эротики и психоанализа.

© Щёголев А. Г.
© Щёголев Александр Геннадьевич

Содержание

1. По правилам драмы:	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Щёголев

Ночь навсегда

(игра в кошмар)

1. По правилам драмы:

Один из Петербургских пригородов, именуемый Токсово. Это с Финляндского вокзала, Приозерское направление. Лето, жара, дача. Впрочем, вечер, удушливый летний вечер. Быть грозе.

Антон давно дома, уже поучил местных мальчишек играть в «дартс» – метали маленькие стрелы в деревянную мишень, – затем погонял в футбол, набегался до одурения, до невменяемого состояния, и теперь валяется на тахте, читает сказки. Антону девять лет, он очень любит сказки, особенно страшные. Его отец, человек тридцати пяти лет, имеющий довольно необычную фамилию Х., также отдыхает. Почему бы не отдохнуть, если отпуск, если лето? Жара, безделье, тишина. Тем более, ребенок покормлен. И другие ежевечерние обязанности исполнены, в частности, выдержана традиционная дружеская беседа с хозяевами дачи. Два этих скучных старичка, муж и жена, в самом деле ощущаются друзьями, ведь столько времени человек по фамилии Х. знаком с ними. Каждое лето, каждый отпуск он проводит здесь – хотя бы две недели, хотя бы неделю, – на озерах, в парках, в местах своего детства. Бывает, и зимой сюда приезжает на несколько дней – лыжами побаловаться, с гор покататься. И всегда живет у этих хороших людей, арендуя либо времянку, либо пристройку, потому что стабильность, определенность, порядок – прежде всего. Отец Антона такой же скучный человек, как и хозяйка дачи. Он никогда не забывает известить их о сроках приезда, чтобы старикам легче было планировать заселение времянки другими клиентами. Он никогда не отказывается развлечь пожилых людей светской болтовней – точно, как сегодня. Да и не так уж пусты эти беседы, потому что дед и бабка образованы, интересуются политикой и культурой – вполне, вполне живые люди, – особенно же любят разного рода сенсации и скандалы, так что частенько именно от них Х. впервые получает свежую информацию к размышлению. Вот и сегодня они предложили, среди прочего, обсудить таинственное убийство директора городского аэропорта. Интересная, конечно, тема, однако директор аэропорта вместе с его неприятностью был ничуть не ближе к Х., чем, скажем, президент Соединенных Штатов Америки, и он вскоре попрощался, заторопился к себе, чтобы лечь боком на скрипучую железную кровать и...

Итак, маленькая семья отдыхает. Сын читает, отец решает кроссворды. Отец любит и знает кроссворды – так же, как большинство скучных мужчин его возраста. Из всех присутствующих трудится только переносной телевизор, привезенный с собой из города. Диктор назойливо тарыхтит, сбрасывая в без того нагретую комнату отработанные газы последних известий. Бодрый голос убаюкивает, одурманивает, размягчает мозг. Отец задремывает, отключившись на секунду, даже роняет газету из пальцев. И вдруг вздрагивает.

Что произошло?

Нет, ничего особенного. «Разыскивается опасный преступник», – объявляется в новостях. Вот фотография, вот фамилия, имя, отчество... Задремавший было человек вскакивает с кровати, чтобы прыгнуть вплотную к телевизору. Фотография – его. Фамилия – его. Диктор так прямо и сказал: «Опасный преступник Х.», и телефон назвал, по которому все желающие могут сообщить что-нибудь органам охраны правопорядка. Мелькает бегущая строка с телефонным номером – для тех, кто запоминает глазом. И все. Конец новостей.

Антон также сбрасывает ноги с тахты, чтобы посмотреть квадратными глазами в телевизор:

- Чего это он? – глупо спрашивает мальчик.
- Ты спи, спи, чего вскочил, – реплика отца звучит не намного умнее.
- Я не сплю, я же читаю.

Отец отворачивается от экрана: реклама никого не интересует. Смотрит в окно – там быстро темнеет, туча охватывает мир, – затем на часы: почти одиннадцать вечера. Или ночи?

- Надо спать, – строго говорит он. – Быстро под одеяло.
- Ну, папа, – говорит сын.
- Все, – говорит отец. – Спорить не будем.

В самом деле, спорить не о чем. Летний вечер в Петербурге – предательская пора. До полуночи светло, как днем, и ни за что не хочется под одеяло, и если с разумом еще можно договориться, то душа сопротивляется отчаянно, требуя неопровержимых доказательств окончания очередного дня.

Впрочем, сегодня белая ночь спряталась, испугавшись грозы. Поэтому Антон укладывается без капризов. Он вообще не капризный ребенок, очень спокойный, правильный, хотя и с большим самомнением.

Отец выключает свет и предупреждает:

– Схожу позвоню в Питер. Ты не бойся, я быстро.

– А почему по телевизору такое сказали? – спрашивает ребенок. – Они пошутили? – голос его вялый, ночной.

Отец ничего не может ответить. Отец и сам бы не прочь получить объяснения, вот почему он покидает времянку, через огород попадает к калитке, затем на пустынную поселковую улицу, выходит на шоссе, идет к почте. Возле почты – междугородный телефон-автомат.

Сейчас узнаем, думает Х., что это за шутки, что это за «новости». Разыскивается опасный преступник. Пусть себе разыскивается, а нормальные люди здесь совершенно ни при чем...

Хотя, что продавщица сможет ему объяснить? – продолжает думать Х. Шутка или не шутка? Откуда она может знать? Ну, вдруг что-нибудь скажет, хоть что-нибудь...

Человек по фамилии Х. так и называл эту женщину: продавщица. Мысленно, конечно. Вслух, при встречах, он называл ее «моя маленькая» или, например, «заяц». Или же просто по имени – у нее было стандартное русскоязычное имя, – образуя различные уменьшительно-ласкательные формы. За последние полгода подобные встречи особенно участились, складываясь в нормальные отношения двух издерганных жизнью людей. Тем более, отношениям ничего не мешало. Тридцатипятилетний Х. и его возлюбленная «продавщица» жили рядом, на одной лестничной площадке, он – справа от лестницы, она – слева. Оба одиноки, так что никаких вам аморальных историй.

Жены у Х. нет. А сын есть. «Сын есть, а жены нет...» – неожиданно думает он, шагая мимо школы, мимо магазина, мимо здания администрации. Соседка по лестнице очень удачно вписывается в его переполненную буднями жизнь. Понятно, что эта женщина пытается «окрутить» вдовца, женить его на себе, создать если не семью, то подобие, полагая такой шанс последним в своей жизни. Что ж, ее легко понять. Х. работает механиком на автобазе, хорошо зарабатывает и вообще настоящий мужчина. Да, он скучный, да, неулыбчивый, раздражающийся по пустякам, работающий по трехсменному графику, зато – надежный. Надежность – его суть.

Интересно, как бы отнеслась жена к этой связи? – думает Х., вытаскивая из кармана кошелек. Нормально бы отнеслась. Соседка действительно работает продавщицей – женщина без придури. Ребенок будет хорошо накормлен и одет, ребенку будет лучше, а отцу – легче. Это главное. А жена...

Жена погибла четыре года назад. Несчастный случай. Весной. Мыла окна и упала во двор – с пятого этажа. Оставила мужа с пятилетним ребенком. Во дворе дома как раз находился Х., занимался мелким ремонтом своего автомобиля. У него ведь машина есть, не зря он автомеханик. «Лада», модель не из престижных и давно уже не новая, но все-таки...

Почта.

Человек достает жетоны из кошелька, затем тщательно, осторожно набирает номер. Здешний телефонный аппарат требует бережного обращения. Наконец дозванивается. «Извини, – говорит он в трубку, – если разбудил, я по межгороду, недолго, тут такое дело, глупость какая-то».

Женщина реагирует необычно. «Что ты натворил!» – кричит она. Кричит и плачет, бьется возле микрофона, хватая воздух невидимыми губами – изящными пухлыми губками, к которым Х. уже начал привыкать...

Что ты натворил!

Ни в коем случае не приезжай, сиди в своей Ялте!

Нет, немедленно уезжай, но только не сюда, куда угодно, тебя же разыскивают, я сдуру рассказала, что вы в Ялте отдыхаете!

...Женщина кричит, а мужчина молча слушает, стиснув зубы до гула в ушах. Наконец прерывает ее: что за Ялта, почему Ялта?

Как это – почему? Они же именно там сейчас. Антон хвастался, и не только ей, другим соседям тоже, и мальчишкам говорил, она сама слышала. А когда ее спросили, и инспектор, и эти, в куртках – тоже спросили, – она рассказала про Ялту, сдуру, конечно, дура она и есть, не сообразила «забыть» или «потерять», так ведь все равно бы узнали. «А вы не в Ялте, что ли?..»

Антон хвастался, кивает Х. сам себе. Теперь понятно... Впрочем, что понятно?

Кто его разыскивал, что за «инспектор»? Как это кто – уголовный розыск! И еще какие-то люди. Очень страшные, между прочим, люди, вежливые поначалу, культурные, но что-то в них такое... Зачем Х. понадобился уголовному розыску? Неизвестно. Хотя, вроде бы почтальона какого-то убили, а жена убитого нашла письмо – мол, если он погибнет, убийца живет там-то и там-то, скрываясь под фамилией Х. Это старуха с первого этажа рассказала, она всегда про все знает, у нее слух очень хороший...

«Разговор междугородный, – напоминает Х., опуская в щель очередную монету. – Кто были другие люди и что им надо?» Им тоже нужен Х. Оставили телефонный номер, если вдруг он объявится. А продавщицу просили сразу позвонить – так просили, что мороз по коже. Они искали какую-то «косметичку», точнее, содержимое этой самой косметички, потому что в квартире Х. ее не нашли. Они ведь успели обыскать квартиру еще до следственной бригады – вошли, будто к себе домой...

Женщина снова плачет. Неожиданно и бурно. Тогда начинает кричать Х., не выдерживает, потому что монеты кончаются, потому что бабы дуры, потому что человеку плохо, а там Антон один. Что было потом, ну?

Потом те, в куртках, во второй раз пришли к ней. Наверное, узнали откуда-то, что соседка – не просто соседка. Она же не просто соседка, правда? – женщина не может успокоиться. Эти сволочи ее однокомнатную квартирку обыскали ничуть не хуже, перерыли так, что ходить невозможно, – а ты говоришь «что потом», – расспрашивали, допрашивали, про Ялту и вообще – ужас, ужас, ужас... Точно ли Х. не брал эту проклятую косметичку?

Он кричит: «Дура!» – и на том разговор окончен.

Он возвращается на дачу. Ледяные руки дрожат, мешают думать, их приходится сунуть в карманы. Барабанной громкости вопросы рвутся сквозь горло, мешают дышать, превращаясь в бессмысленное бормотание, но с этим ничего нельзя поделать. «Дура... – бормочет Х. – Какая косметичка?.. Какой почтальон?..»

Он возвращается.

А что, если хозяйева дачи видели сообщение в новостях? Ведь наверняка видели, они всегда новости смотрят! И вообще, кто еще в Токсове может его опознать?

Надо идти сдаваться. Скандалить, требовать справедливости. Или бежать, прятаться, пока не поздно?

А с Крымом удачно получилось. Действительно собирались туда, Антон всю зиму и весну хотел на море, причем, именно в Ялту, изучил по книжкам этот город, достопримечательности и все такое, хотя, реальная Ялта не так уж хороша, как видится на картинках, – противный городишко, в котором народу больше, чем свободного места, в котором любой самый простой маршрут превращается в бесконечное чередование подъемов и спусков, – но ребенку должно понравиться, все-таки МОРЕ, все-таки собирались, мечтали, планировали, а когда пришло лето, денег оказалось маловато на такую поездку... Итак, с Ялтой полная ясность. Антону трудно было смириться, вот и заврался парень. Может, хвастался перед своими приятелями когда-нибудь раньше, и теперь стыдно было говорить правду. Смешной он. Несчастный. Иногда такая жалость к нему охватывает, особенно вечерами – хоть сиди возле детской кровати и на Луну вой. Правда, у Х. прекрасный сон, без нервов... Ладно, пусть эти две недели пройдут в Токсове, а дальше видно будет. Следующие две недели отпуска полагаются в августе, через месяц, есть время решить финансовую проблему.

Итак, никто не знает, где они. Даже возлюбленная продавщица. Не сообщил ей Х., куда собирается в отпуск, не хотел, чтобы она наезжала к нему в гости – а она наверняка бы так поступала, – собирался отдохнуть от всех, в том числе от этой женщины. Кроме того, давно пора было обдумать их отношения, в деталях представить их дальнейшую жизнь. Здесь, в спокойной одинокой глуши, решения принимаются легко и безболезненно, как бы сами собой.

Господи, о чем он думает? Особо опасный преступник...

Вот и калитка. Выложенная плитами тропинка, неприветливый сумрачный огород. В доме у хозяев горит свет – старички не спят еще, – и во времянке тоже... «Антон шалит, – мгновенно вскипает отец. До сих пор не спит, озорничает. И так мозги набекрень, а он, видите ли, озорничает!» – кипит отец, врываясь в наполненную электричеством комнатушку.

Сына во времянке нет. Шкаф, стол и сумки выпотрошены, вещи раскиданы, есть только свет и тоскливое ощущение разгромленности. Заднее окно почему-то приоткрыто... Х. берется рукой за косяк. Кто-то большой и страшный трогает его сердце – большими липкими пальцами. Где ребенок? Выдираясь из вязкой пелены паучьих прикосновений, Х. бежит к дому хозяев, ему кажется, что бежит, он уверен, что бежит... У стариков? Телевизор смотрит? «Антон!» – зовет отец, одиноко и трагически, срывающимся петушиным звуком.

Он рвет дверь на себя, вбегает в прихожую и тут же падает, споткнувшись обо что-то, предательски лежащее на полу.

Кухня и прихожая – одно помещение. В доме слишком мало места, чтобы можно было позволить себе иметь отдельно и кухню, и прихожую. На газовой плите, работающей от баллона со сжиженным пропаном, горит газ. Плита стоит на столике – на том самом, об который Х. ударился лбом. Хорошо, что лбом, а не глазом, – понимает он позже, много позже. Дед скорчился у порога, именно это неожиданное препятствие и попало человеку под ноги. То, что труп был когда-то дедом-хозяином, видно только по одежде, ни как не по лицу. На лицо попросту невозможно смотреть, его нет, вместо лица что-то красное, пузырящееся, оскаленное. И к тому же – нож. Длинный, хозяйственный. Торчит из шеи – сзади. «Антон!» – рыдает Х., поднимаясь, не чувствуя боли, ничего не чувствуя. И торопится куда-то, торопится. «Анто-он!» Тело бабки обнаруживается рядом, в соседней комнате, сразу возле входа в прихожую. Строго говоря, бабка и там и здесь одновременно, лежит на пороге – тело в комнате, зато голова уже в прихожей, почти под умывальником.

Больше Х. ничего не помнит из увиденного. Потому что отчетливо слышит глухое, далекое: «Папа!...» Он мечется, рыдая. «Папа, ну где ты!» – жалобно зовет сын, откуда-то извне

дома, из огорода; впрочем, Х. и так уже на воздухе, под черным небом, бежит, спотыкаясь о грядки и, наконец, замирает.

Сын стоит возле времянки – одетый в пижаму, выпачканный в земле, дрожащий...

И человек вдруг спокоен. Толчок – и все кончилось. Как мало человеку нужно было, чтобы вернулась реальность, временно покинувшая измученные жизнью мозги. Только сердце колотится, да алые кляксы в глазах стоят. Переполненный счастьем, человек командует:

– Домой, быстро!

Как мало нужно, чтобы вновь стать мужчиной.

– А что там? – вибрирует голос мальчика.

– Там? – спрашивает отец. – Там все нормально. Одевайся, не задавай глупых вопросов.

В спешке хватаются какие-то вещи, пихаются в огромную дорожную сумку, предназначенную специально для таких вот поездок. Сборы не отнимают много времени, хотя, им и мешают суetyающиеся в помещении голоса. Мужской и детский.

Что здесь произошло?

Очевидно, просто повезло. Антон вовремя проснулся, услышал, как кричат хозяйева дачи, испугался, вылез в окно и спрятался под скамейкой. Мужики его не заметили, не нашли. Мужики в красивых таких кроссовках – ничего, кроме обуви, мальчик не разглядел. Ругались разными плохими словами. А потом побежали на железнодорожную станцию, решили, что отец и сын успели удрать. Мальчик очень четко слышал их разговоры: мужики были громкими, ничего не боялись. Зато мальчик боялся, никак не мог вылезти из-под скамейки, даже когда папа вернулся, потому что думал: это не папа, а еще думал, что мужики спрятались и ждут...

– Вот, значит, как? – шепчет Х., шально озираясь по комнате. – Все правильно, ты у меня герой...

Действительно ли он спокоен? Холод в голове и тяжесть в руках. Теперь его будут подозревать в убийстве несчастных стариков, которое произошло сразу после объявления о розыске опасного преступника Х., а ему останется только невразумительно бормотать о мужиках в кроссовках и правдиво бить себя в грудь. Надо бежать. Но куда убежишь, если на железнодорожной станции караулит неизвестно кто, неизвестно за что! Причем, гости могут вернуться, чтобы снова проверить дачу – в любой момент!

Наверное, он что-то говорил вслух, поскольку Антон испуганно сообщает ему в ответ:

– Тот участок, который сзади за нашим, пустой. Мы с мальчишками клубнику там едим без спроса.

– Почему пустой?

– Не знаю, папа. Но точно. Мальчишки сказали, что можно, потому что этот дядька сейчас в городе живет, а приезжает сюда только в выходные.

Думать было некогда, тем более о неприкосновенности чужой собственности. Нужно решать. Антон, полностью готовый, одетый, со своим любимым рюкзаком на плечах, уже выглядывает из домика наружу.

– Уходим, – торопится Х. и гасит свет.

Бежать...

Сначала переждать, отсидеться. Не пешком же в город идти, с девятилетним ребенком? Дверь в руках опытного слесаря взламывается с рабской покорностью. Соседская дача в самом деле оказывается пустой, и не дача это вовсе, а полуобжитой сарай, непригодный для сдачи внаем. Времянка, в которой они жили, и то благоустроеннее. В общем, лучше не придумать – тихо, грязно, незаметно. Заячья нора. Хотя, живут ли зайцы в норах? Но решать все равно надо, никуда не деться – надо что-то делать, если уж тебе повезло родиться мужчиной... Во-первых, ни в коем случае не включать свет. Хорошо ли Антон это понял, хорошо ли запомнил? Свет отныне как бы не существует. Во-вторых, если мальчик захочет кушать, он может залезть в холодильник и чего-нибудь поискать – здесь, к счастью, холодильник предусмотрен. Но лучше

всего лечь на диван и попробовать заснуть. А папе пора идти. Ненадолго, просто позвонить в город, опять к почте, так что нечего бояться, папа скоро вернется – ложись, и спи, Антон, будь мужчиной...

Да, опять к почте. Куда еще, если междугородный телефон-автомат есть только там. Участок выходит на другую улицу, не ту, где отец с сыном снимали дачу, а на параллельную. Это хорошо. Участки идут в два ряда между улицами, все очень просто, очень удачно.

Темный нервный путь, полный страшных невидимых шорохов. Затем центральная поселковая магистраль, освещенная только редкими окнами. Фонари пока не горят: ведь белые ночи сейчас, роскошная пора русского Севера, ведь должно быть светло, как днем. Кто же предполагал, что бесконечная низкая туча сделает белую ночь нормальной ночью?

А старики, наверное, сопротивлялись. Наверное, попросили неожиданных гостей удалиться, и сделали это слишком решительно. Они такие – бескомпромиссные. Были бескомпромиссные... Но кому и зачем понадобился скучный небогатый работяга, не занимавшийся в своей жизни ничем сколько-нибудь интересным? Зачем перерыли комнату? Опять искали какую-то «косметичку»? Но как вообще обнаружили эту дачу, если Х. с сыном якобы на море?

Вопросы.

Он вытаскивает из пиджака тряпочный мешочек, сшитый еще женой. В мешочке оглушительно звякает. Жетоны для телефона-автомата. Не забыл, взял их с собой, покинув новое убежище – весь запас жетонов, привезенный из города. Думал, ни одного не потратит, никому ведь не собирался звонить, отдохнуть хотел от города и от людей, но теперь выясняется, что без этих маленьких шедевров современной чеканки он бы погиб. Он бы попросту сошел с ума – для начала. Или он уже сошел с ума? Вот и почта, темная, неприветливая, настороженная. Запертая, конечно. Хорошо, что телефон на улице, иначе бы – гибель, сумасшествие, конец света...

Прежде всего – знакомому из прокуратуры. Это один из клиентов, которому Х. регулярно ремонтировал автомобиль частным образом. Брал по честному: стоимость деталей плюс затраченное время. И работал качественно, не как другие. Вдруг гражданин советник юстиции сумеет рассеять стремительно сгущающийся кошмар?

Знакомый спит. Но сразу просыпается, едва слышит извиняющийся голос Х., сразу спрашивает: «Откуда звонок?» Из Ялты, откуда же еще. Приходит очередь Х. спрашивать: знает ли знакомый из прокуратуры хоть что-нибудь? Знает. «Трудно этого не знать, родной, ведь именно ты убил начальника аэропорта», – шутят на том конце линии связи. «Сейчас не до шуток», – умоляет Х. За что его разыскивают, почему по телевизору показывали его фотографию, выдранную из тоненького семейного альбома?

«Какие могут быть шутки! – безобразно орет юрист. – Начальник аэропорта мертв, а главный подозреваемый – Х. Ты зачем звонишь, придурок!» – вот как орет рассерженный страж законности, заполняя эфир густым начальственным басом.

Шок. Ледяная вода за шиворот.

А как же почтальон? Почтальона убили или нет?

Какого почтальона! Ах, вот какого?.. Нет, ничего конкретного знакомый сообщить не может, про почтальона ничего не слышал, и вообще – делом гражданина Х. занимаются другие ведомства, не по телефону будь сказано, так что он бы советовал явиться с повинной, хотя, если по-дружески – строго между нами, договорились? – лучше всего будет раствориться в воздухе, ни в коем случае не сдаваться, потому как высшая мера по этому делу обеспечена, и только при большом везении – срок по максимуму.

Будто удар в солнечное сплетение – нечем дышать. В муках выдавливаются остатки воздуха: он ни в чем не виноват, не замешан, все это бред, возмутительная ошибка! Объяснят ему, что происходит, или нет? Гады, ублюдки, садисты в погонах...

И его наконец понимают. Его просят перезвонить минут через десять-пятнадцать, обещают навести справки. Ну, справки – громко сказано, просто душою щедрый советник юстиции звякнет туда-сюда ребятам, поспрашивает тех, кому в такую поздноту можно звонить. «Спасибо» не надо, только монеты тратить. Посмотрим на часы и убедимся, что «спасибо» за такой пусяк много, вполне хватит ящичка водки...

Следующий из намеченных по плану разговоров, увы, не получается. Почему-то трубку снимает не продавщица! Х. хотел быстренько взять у нее оставленный бандитами номер телефона, не догадался сделать это сразу в прошлый звонок. Но отвечает какой-то мужчина: «Алло», – говорит. Голос очень знаком. О, Господи, чей же это голос? Нет, никак не вспоминается, мозги подводят, да и слух далеко не музыкальный, отвратительно распознает мужские голоса... Зато хорошо угадывается женский – там же, в комнате, недалеко от аппарата, кричит и рыдает: «Не надо! О-о-ой! Не надо!...» Х. кладет трубку.

Как в тумане.

Выждав положенное, он снова звонит знакомому сотруднику прокуратуры, все еще на что-то надеясь. Но тот уже сух и официален: мол, нечего дурака валять, ты же убийца. И вовсе это не бред, и не перебивать! Служащего вашего почтового отделения действительно зверски прикончили, в его же собственной квартире, сначала подрезали сухожилия под коленками, чтобы ноги не работали, потом порезали руки, и только потом... Ишь ты, «бред»! Пытали парня, что ли? Слышишь, Х., тебя спрашивают! Почему тебя? Потому что в квартире убитого нашли спрятанное письмо, заготовленное на всякий случай, где он описал все, что ему известно. Короче, бедолага раскрыл, чем наш герой занимался на досуге, пытался нашего героя шантажировать, вот и поплатился жизнью.

Преступнику жарко, он нескончаемо потеет в телефонной кабине, не справляясь с бунтующими железами. Душная тьма сгущается вокруг этого человека. А дождю никак не начаться. Человек мечется в стеклянной западне, гнев его не находит адекватной словесной реализации: неужели криминалисты всерьез интересуются досугом отца-одиночки? А представляют ли они, каково это – с маленьким ребенком без матери? И каков теоретически может быть досуг у главы такой семьи, и есть ли он вообще – «досуг»? Да, Х. кое-чем странным занимался: модели с сыном мастерил, деревянные детали вытачивал, а когда тот спать ложился, кроссворды решал под телевизор... Советник юстиции смеется. Нехорошо, недобро веселится, как они там в прокуратуре умеют.

Ладно, мол, тебе язык попусту разминать. Мол, в квартире у Х. квалифицированные специалисты работали, и в результате обыска был обнаружен шприц-тюбик. Пустой, конечно. Да-да, нечего шипеть в трубку. Придумал, куда спрятать – в ящик со старыми разломанными игрушками! Хитрец чокнутый. Химический анализ показал, что когда-то шприц-тюбик наполнился буфотоксином, а начальника аэропорта, если Х. запомнил, прикончили именно этим ядом. Очень профессионально – кольнули на лестничной площадке. Ребята давно уже с ног сбились, разыскивая маньяка-отравителя, ведь это далеко не первое такое убийство – укол ядом на пустынной лестнице, – и если говорить прямо, то все оперативные органы города просто лихорадит от нераскрытой серии. И наконец преступник вычислен! «Надо же, какой глупый прокол получился у тебя с идиотом почтарем, – весело сочувствует чиновник, – прямо кино...» В телефонной кабине – нервный криз. Сброс излишков жара, распирающего голову. Духота липнет к лицу, вползает в легкие, а дождя все нет.

«Заткнись, – обижается разговорчивый юрист. – Я-то тут при чем? К твоему делу вообще госбезопасность подключилась, так что нечего орать. Меня, кстати, просили тебе передать...»

Просили передать, что предлагают переговоры, вот и телефончик оставили – можно записать, даже нужно. А посторонних ни к чему впутывать в эти игры. «...Я небольшой человек, у меня самого забот выше погон...» – все, финальные гудки.

Кому теперь звонить? Палец набирает чей-то номер. Жетон проваливается: отвечает соседка по лестничной площадке.

Да, у любимой женщины все в порядке. Да, «моя маленькая» уже одна, потому что бандиты ушли...

Голос в трубке вялый, замирающий на каждом знаке препинания, не голос, а легкие невосомые дуновения, как бы не существующие вовсе. Только однажды человек по фамилии Х. слышал, чтобы крепкая, закаленная жизнью продавщица так странно говорила. Полгода назад, когда неожиданно издохла ее собака. Это случилось минувшей зимой. У соседки ведь когда-то была собака, шикарный колли, еще до того, как Х. сблизился с этой женщиной. Собственно, их банальная связь началась именно в день смерти собаки, очень уж Х. пожалел тогда безутешную владелицу, захотел хоть в чем-нибудь помочь ей. Он так понимал ее горе, он прекрасно знал, что значит остаться вдруг без единственно близкого существа, – он сам никак не мог забыть свою жену... Какая жена, какой колли? Он спятил? Бандиты, оказывается, узнали у нее, где Х. чаще всего отдыхает, не поверили про Ялту, а Х. чаще всего отдыхает в Токсове, вот об этом она и сообщила незванным гостям. Даже дом описала и улицу, куда они втроем приезжали кататься на лыжах – в феврале, помнишь?

Он все помнит, у него только на мужские голоса память плохая. Крутится в голове, но никак не выскочит на волю: кто же так мерзко умеет произносить простейшее слово «алло». Поэтому логичен вопрос: бандиты были те же, что и в прошлый раз? Нет, другие. А кто был тот человек, который подходил к телефону? Она его впервые видела. Ну, как он хоть выглядел? Худой, длинный, рыжий.

«Рыжий...» – эхом откликается Х., со сладким азартным удовлетворением понимая, что вот оно – сверкающее, ликующее, долгожданное. «Рыжий? – сипло переспрашивает он. – И еще усики такие реденькие, правильно?» И усики, соглашается женщина.

Итак, сокурсник. Все точно, личность опознана – Петр по кличке Царь, потому что однофамилец Романова. Х. вместе с ним в техникуме учился, удивительно неприятный человек. Или это только сейчас стало ясно, насколько неприятен всегда был Петр по кличке Царь? Впрочем, какая разница? Осенью прошлого года, в ноябре, состоялась вечеринка, традиционный сбор выпускников, девчонки организовали всех, кого смогли собрать, вот там они в последний раз и виделись. А теперь – его голос в телефоне. Бред. Вечеринка, между прочим, состоялась как раз в квартире у Х., потому что больше никто не согласился принять гостей, а он все-таки один в двухкомнатной квартире проживает. Сын не помеха, взрослый парень, тем более, жратву и питье девчонки на себя взяли. Петр, помнится, приходил, как ни в чем не бывало, держался очень даже естественно, пьяно острил, бутылку «Амаретто» от себя лично выставил... «Давай телефон!» – торопится Х. «Какой телефон?» – еле шевелится в трубке голос женщины. «Который бандиты оставили». «Они ничего не оставили». «Предыдущие бандиты, заяц, предыдущие! Сама же говорила!»

Он записывает телефон – и больше, к счастью, нет тем для разговора. Он старается не думать, не представлять, каким образом непрошеные гости домогались у нее сведений, а для этого лихорадочно роется в записной книжке. Находит телефон Петра и сверяет цифры. Номера разные. И вообще, звонить сокурснику глупо, лучше сразу лично встретиться. Лоб в лоб, чтобы не успел шлемом запасть.

Набирает, срывая ноготь, оставленный продавщице номер.

«Молодец, что позвонил, – говорят ему. – Ялту из-за тебя снизу доверху перерыли. Не психуй, дурачок, все понимают, что ты просто выполнял заказ, ты честный „затыкала“ и никто другой, но ты правильно, даже очень правильно сделал, когда решил забрать портфель! И поскольку портфель ты забрал, то, возможно, тебя простят...»

У кого забрал?

«У начальника аэропорта, – говорят ему. – Не придуривайся! Смысл заказа был в том, чтобы косметичка попала к городской администрации. Твои друзья ужасно хотели, чтобы косметичка пошла по инстанциям, но ты, уж и не знаем почему, решил инсценировать ограбление. В общем, молодец. Кстати, портфель нашелся – в мусоропроводе твоего дома. Ты его, оказывается, в мусоропровод бросил, только пустой, выпотрошенный. Верни косметичку, дурачок, и останемся друзьями. Все равно тебе ЭТО не продать никому, слышишь, ни-ко-му...»

Человек в телефонной кабине смеется. Ему так весело, что хочется разбить стекла. Кулаком. Или головой. Нет, кулаком удобнее. По руке течет кровь, снова кровь, красные пятна повсюду... Кому еще звонить? Кто еще остался вне списка собеседников?

Ниточка, которую ему дал знакомый из прокуратуры! Госбезопасность интересуется этим делом. Бред. Телефон сотрудника, ответственного за поимку опасного преступника Х. – вот он, зажат в окровавленном кулаке. Звонить или нет?

Поздно сомневаться, трубку уже сняли. Оказывается, его звонка ждут давно и с искренним нетерпением. Чтобы сформулировать простую и ясную мысль. Лучше сдать по-хорошему, хотя бы сына пожалеть, а то всякое может случиться, когда их брать будут. По слухам, Х. любит сына – не правда ли? – то есть даже такому зверюге не чуждо человеческое... Голос в трубке – изысканно вежлив, до омерзения. Всепонимающий, сочувствующий голос. На «вы».

«Оперативники из группы захвата с вами церемониться не станут, вы меня понимаете?»
«Не понимаю, – ворочает Х. сухим шершавым языком. – За что?»

За что?

Речь о том, доброжелательно объясняют ему, что начальству, ну всяким там большим людям, ужасно не нравится, когда наемные убийцы из числа самоучек-дилетантов не устроены, не приручены, делают, что им вздумается, и так далее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.